

РОССИЯ И США ПОСЛЕ АФГАНИСТАНА: СОТРУДНИЧЕСТВО И/ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

© 2013 г. **В.А. Кременюк***
Институт США и Канады РАН, Москва

Президент США Б. Обама обещал к 2014 г. вывести американские войска из Афганистана. Какие последствия это может иметь для ситуации в Центрально-Азиатском регионе и для Азии в целом? Россия активно интересуется состоянием дел в этом регионе и для себя определяет, какие перспективы могут её ожидать после ухода США. Возможно наладить сотрудничество с Соединёнными Штатами и совместно с другими крупными странами (Китаем и Индией) установить косвенный контроль над регионом, но возможно и обострение отношений, если Вашингтон сочтёт более удобным для себя просто выйти из войны и не брать на себя новых обязательств.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, конфликты, сотрудничество и соперничество, управление безопасностью.

Одним из главных пунктов предвыборной платформы президента Б. Обамы в области внешней политики в 2012 г. было обещание вывести американские войска из Афганистана в период второго президентского срока (2012–2016 гг.). В это же обещание, в качестве составной части, входит и перспектива завершения всей военной операции НАТО в Афганистане, в том числе вывод войск американских союзников. Как ожидается, где-то к 2014 г. (или в первой половине года) военное присутствие НАТО в Афганистане будет завершено и война будет прекращена. При этом в качестве признаков «победы» Запада предлагается рассматривать сам факт вывода войск, а не какие-либо иные убедительные свидетельства его военного успеха.

Оно и понятно. Говорить о «военной победе» в Афганистане наивно и даже смешно. И англичане в трёх афганских войнах, и руководители СССР в период пребывания советского «ограниченного контингента» в этой стране в 1979–1988 гг. имели возможность убедиться, что такого понятия, как «военная победа», в Афганистане не существует ни для одного интервента. Афганцы – народ воинственный, свои потери они переживают мужественно и будут воевать до бесконечности, пока на территории страны остаются чужие войска. А избавившись от этих войск, афганцы будут наносить точечные ответные

* **КРЕМЕНЮК Виктор Александрович** – член-корреспондент РАН, профессор, заместитель директора ИСКРАН. E-mail: vkremenjuk@gmail.com

удары силами террористов, напоминая своему врагу о его «задолженности» перед народом Афганистана.

Поэтому реальной задачей администрации Обамы в Афганистане, как это было и у советского лидера М.С. Горбачёва в 1988 г., является не какая-то мифическая «победа» (что-либо близкое можно, конечно же, изобразить в средствах массовой информации), а бесхитрое желание поскорее убраться из Афганистана, потеряв при этом неизбежный минимум: бросив технику и недвижимость, своих местных союзников (например, президента Карзая, если только он сам не догадается сбежать вовремя), списав расходы бюджета, а главное – пережив позор поражения, которое понесла самая мощная и развитая держава мира в отсталой и бедной стране. Кто-то в других странах будет этому рад (известно, что врагов у Америки хватает), кто-то будет горевать, потому что результатом таких поражений США всегда было их желание сократить свои внешние обязательства (достаточно вспомнить Вьетнам и внешнюю политику США начала 1970-х годов). В целом же понятно, что плачевный исход авантюры, затеянной президентом Дж. Бушем-мл. в 2002 г., неизбежен и принесёт мало радости Вашингтону, независимо от того, кто конкретно в этот момент будет находиться в Белом доме.

Остаётся теперь определить, в каких формах и масштабах будет осуществляться выход США из войны в Афганистане. От этого зависит очень многое для тех стран, которые каким-либо образом вовлечены в эту войну и которые не могут просто «вывести войска», например, Россия или Пакистан. Россия, оказывающая помощь США и их союзникам в этой войне (предоставив свою территорию и воздушное пространство для передвижения грузов и войск НАТО), прямо в боевых действиях не участвует. Для неё, как и других стран, возможности решения проблемы выхода из войны американской администрацией будут означать лишь то, какого рода перспективы ожидают её в этом регионе. Соединённые Штаты могут организовать этот выход так, чтобы в Афганистане воцарились мир и благодать – и от этого всем будет хорошо, а могут сделать так, что Афганистан на долгое время останется источником нестабильности для всего региона Центральной Азии и для мира ислама в целом. Всё здесь будет зависеть от чувства ответственности американцев и от их желания (реального, а не показного) помочь другим странам справиться с последствиями поражения США, а также от мастерства их дипломатов.

Хорошо известно, что при решении проблем такого рода у Соединённых Штатов всегда имеются два разных стратегических варианта. Один, подсказанный геополитическим положением страны и традицией изоляционизма в её внешней политике, состоит в том, чтобы, погрузив своих солдат на корабли и самолёты, увезти их в благополучную и спокойную Америку. Всё, что станет ненужным, бросить, перед друзьями и союзниками извиниться, бывшим врагам сказать: «прощай», и забыть о греховном и полном человеческих страданий Старом Свете, ну хотя бы о Центральной Азии, в которой у США на деле практически нет крупных и жизненно важных интересов.

Второй вариант, значительно более сложный и требующий больших материальных и интеллектуальных ресурсов, состоит в том, чтобы оставить после себя какую-то жизнеспособную и связанную с США узами взаимных обяза-

тельств систему государств, способных с американской помощью создать собственную структуру безопасности и развития и тем самым предотвратить эскалацию хаоса и нестабильности, которые могут последовать за выводом войск США. Какими-то аналогами второго подхода были «план Маршалла», предложенный Соединёнными Штатами в 1948 г. разорённой войной Европе, а также созданный в 1949 г. блок НАТО, обеспечивший европейцам гарантии безопасности против угрозы со стороны Советского Союза.

Окончательный выбор стратегии выхода США из войны в Афганистане будет определяться несколькими факторами. Во-первых, мерой ответственности американского руководства в связи с теми последствиями проигранной войны против исламского государства, которые неизбежно произойдут, а отчасти – уже происходят: активизация исламизма, антизападничество, желание союзников попытаться искать опору надёжнее, чем обязательства США, и т.д. Во-вторых, оценками в США и других заинтересованных странах ситуации, складывающейся в Афганистане и вокруг него в связи с уходом НАТО. В-третьих, последствиями для мировых позиций США и их союзников глубоких и далекоидущих сдвигов в странах этого региона с быстроразвивающейся экономикой и соответствующими политическими амбициями – в Китае, Индии, Иране.

Наконец, это будет определяться и состоянием отношений с Россией, которая при всей своей слабости на современном этапе пока ещё остается страной, контролирующей, по терминологии геополитики, «хинтерланд» (внутреннее политическое пространство) Евразии. Всё это, безусловно, значительно осложняет поиски оптимального решения задачи выхода из войны, но без такого анализа говорить о возможном успехе внешней политики США не приходится. А именно такого успеха и домогался президент Обама.

Оценка общей обстановки

На огромном азиатском пространстве – от Израиля и Палестины на западе до Корейского полуострова на северо-востоке – сохраняется высокая степень напряжённости, которая со временем может вылиться в большую войну или ряд войн меньшего масштаба. Ситуации в Израиле и Палестине, Курдистане, Ираке, Афганистане, Пакистане и Индии, на Тайване, Корейском полуострове – каждая из них либо чревата войной, либо уже представляет собой реальную войну. К этим ситуациям можно добавить нестабильность в странах Центральной Азии, Шри-Ланке, Мьянме, в районе «золотого треугольника». Если под влиянием страхов по поводу ядерного оружия Ирана Израиль и США (или Израиль самостоятельно) нанесут удар по иранской территории, в «зону войны» войдёт и Иран. С точки зрения интересов международной безопасности этот регион представляет собой проблему номер один, как это было в годы «холодной войны» с Европой и Корейским полуостровом.

Отличительной чертой всех этих конфликтов является то, что в них соединились в качестве мотивации соперничества сторон остатки «холодной войны» (Тайвань, Корейский полуостров), межрелигиозные и территориальные конфликты (Индия – Пакистан, Израиль – Палестина), всё ещё сохраняются очаги борьбы за национальное самоопределение (Курдистан), соперничество разных группировок внутри отдельных стран («Талибан» в Афганистане и Па-

кистане), конфликты, связанные с производством и перевозкой наркотиков (Афганистан и «золотой треугольник») и многое другое. В отличие от Европы и, может быть, Дальнего Востока, в этих конфликтах определённую роль играют непреходящая вера в насилие как самое надёжное средство решения существующих спорных проблем и отсутствие успехов в мирном политическом урегулировании. Известное исключение в этом смысле представляют Индия и Пакистан, проявляющие сдержанность и ответственность вследствие своего ядерного статуса. Завершение периода «холодной войны» в международных отношениях и исчезновение угрозы коммунизма в этом регионе содействовали не успокоению страстей, как это было в Европе, а, наоборот, росту противоречий и насилия, что и угрожает практически всей региональной подсистеме отношений, а также интересам крупных держав – США и других стран НАТО, России, Китая и Индии.

Опасность ситуации состоит и в том, что предпринимаемые ныне воюющими сторонами действия в Афганистане, Пакистане и Ираке не ведут ни к решительной победе одной из сторон, что могло бы способствовать хотя бы завершению военной фазы конфликта победой одного из участников, ни к замораживанию конфликтов, что могло бы дать шанс попробовать найти способы их мирного урегулирования. Войны принимают затяжной характер, сопровождаемый ростом сопутствующей преступности (это расправы с военнопленными, незаконные задержания, торговля людьми и оружием, производство и транспортировка наркотиков). Имеется прямая угроза превращения Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и сопредельных территорий в арену бесконечных военных действий.

Следовательно, объективным интересом всех крупных и ответственных государств, прямо участвующих в перечисленных конфликтах (США и НАТО) или пока ещё вовлечённых в них только косвенно (Россия, Индия и Китай), является поиск средств, которые позволили бы держать динамику этих ситуаций под контролем и не давать им сливаться воедино, образуя ещё более опасные очаги напряжённости, не поддающиеся контролю ни изнутри, ни извне. При этом не вызывает сомнений, что в одиночку никто (даже Соединённые Штаты) не может контролировать ход этих конфликтов и их состояние. Речь идёт о том, чтобы найти возможности такого совместного поведения США, других стран НАТО, России, Китая и Индии в этом регионе, которое существенно ограничило бы опасность их дальнейшего соперничества и, наоборот, стало бы отправной точкой в создании некоей системы контроля за ситуацией.

Такова точка зрения некоторых ответственных сил и государств. Точка зрения – не единственная, как в России, так и в других странах. Наряду с пониманием необходимости сотрудничества стран НАТО, России, Китая и Индии (в частности, возможность и желательность сотрудничества между Россией и НАТО подтверждаются их сотрудничеством по Афганистану), имеются и другие точки зрения, предлагающие рассматривать Центрально-Азиатский регион как поле косвенного противоборства (и, может быть, даже реванша за проигранную «холодную войну») с Соединёнными Штатами и их союзниками по НАТО, с Китаем и Пакистаном (Индия). Реальная политика России и Китая пока ещё колеблется между этими крайними точками зрения, в одних случаях

представляя собой безусловное согласие на сотрудничество с Западом (Афганистан), а в других демонстрируя явное стремление к дипломатическому противоборству с ним же (Иран и Сирия). Позиция Индии при этом менее ясна, однако и она имеет значение.

Было бы ошибкой объяснять это поведение лишь какими-то конъюнктурными соображениями поисков сиюминутной выгоды, хотя и эти мотивы в нём присутствуют. Очень часто речь идёт о том, как избегать ошибочных непродуманных действий, которые надолго меняют общее состояние дел в регионе (например, начало войны США в Афганистане в 2002 г.), и как исправить их последствия, когда они начинают угрожать интересам других стран. Надо понимать, что в условиях существующих конфликтов, в которых отсутствует идеологически мотивированная чёрно-белая матрица взаимоотношений («игра с нулевой суммой») и интересы главных, а иногда и второстепенных участников представляют собой смесь сотрудничества и соперничества, необходим совсем другой, по сравнению с «холодной войной», подход, при котором иерархия интересов будет подсказывать необходимость налаживания системы устойчивых отношений сотрудничества и минимизации интересов соперничества.

Для этого необходима глубокая переоценка существующих интересов и их приоритетов, определение возможностей сотрудничества на длительный период времени, когда интересы развитых стран могут во многом совпадать и определять политику на долгие годы вперёд. Нельзя при этом забывать и о той сфере отношений, которая ведёт к сохранению противоборства и при соответствующих условиях будет определять ситуацию в регионе.

Начнём с того, что в условиях, когда США терпят поражение в Афганистане и готовы уйти оттуда, ни одна из ответственных политических сил региона не заинтересована в сохранении военной напряжённости. Это не означает, что угрозы новой войны или возобновления старой там вообще нет. Таких угроз достаточно. Но не они определяют сейчас развитие ситуации. Его определяют правительства и политические структуры, которые достигли понимания бесперспективности поисков военных решений на данном этапе и видят, что линии противоборства во всём мире (и в регионах в частности) сместились в сторону соперничества вокруг проблем экономического, социального и научно-технического развития. Наиболее проникательным людям в Европе, США, СССР это было ясно уже давно, но они не могли сразу, одним махом стряхнуть вериги милитаризма. Решение этой задачи занимает десятилетия. Всё же удалось прекратить разорительную и бессмысленную «холодную войну» в отношениях между СССР и США. Но в Азии (особенно в Центральной Азии) вера в силу оружия пока ещё сильна.

Тем более – и это второй пункт анализа – что на этой вере зарабатывают огромные средства те силы и группировки в более развитых странах, которые связаны с производством и продажей вооружений. США, Россия, Великобритания, Франция, некоторые другие европейские страны, Израиль – все они, несмотря на неоднократные заверения их руководителей в «миролюбии» и готовности содействовать «поискам мира» в регионе, на деле продолжают активную торговлю оружием, в том числе и современным (с Китаем, Индией, Пакистаном, Ираном, Малайзией, Вьетнамом, Южной Кореей), создавая мате-

риальные предпосылки для продолжения процесса создания военных систем в регионе. При этом было бы, наверное, неправильно обвинять эти страны в «лицемерии» и «тайных замыслах» по сохранению очагов войны в Азии. Их действия, часто диктуемые необходимостью помнить об интересах своей военной промышленности и способствовать её процветанию, тем не менее, явно подливают масла в огонь текущих и будущих войн.

И третье – при всей ответственности ведущих государств за продолжение гонки вооружений в регионе, всё же им пока ещё хватает здравого смысла и понимания необходимости не допустить расползания оружия массового поражения (ОМП) в азиатских странах. В своё время Китайская Народная Республика добилась создания своей бомбы вопреки позиции Советского Союза и провела испытания в 1964 г. Спустя десять лет её примеру последовала Индия, ссылаясь на угрозу со стороны КНР и отсутствие гарантий своей безопасности со стороны ядерных держав того времени (СССР, США, Великобритании). Пакистан сумел выправить нарушенный стратегический баланс с Индией, создав в конце 1990-х годов своё ядерное оружие и став первым исламским государством, обладающим ядерной бомбой. Насколько можно судить по имеющимся публикациям, Израиль также создал своё ОМП. Сейчас на наших глазах КНДР становится ядерной державой, а, по оценкам западных специалистов, за ней очень скоро последует Иран (чему в России официально не верят).

Таким образом, даже беглый обзор военно-политической обстановки в Центральной Азии не вызывает оптимизма. Регион взрывоопасен, какая-либо деятельность по его умиротворению незначительна и не вызывает чувства успокоения, а перспективы роста ядерного потенциала и вовсе ужасают. В годы «холодной войны» определённое чувство удовлетворения вызывала военная деятельность СССР и США по сдерживанию агрессивных настроений в странах Азии. Разумеется, и сами сверхдержавы были в этом отношении не без греха: достаточно вспомнить войну США во Вьетнаме или удивившую многих акцию Москвы в Афганистане, хотя эти действия (в том числе действия США в зоне Юго-Восточной Азии) вписывались скорее в контекст стратегии «сдерживания», чем стратегии колониальных завоеваний.

Сейчас же сокращающаяся военная роль великих держав в регионе (русская – в рамках Договора о коллективной безопасности 1992 г., американская – в Афганистане, Ираке, Персидском заливе, Тайваньском проливе и на Дальнем Востоке) только отдалённо может рассматриваться как элемент стратегии «сдерживания». На самом деле это элементы стратегии «ухода», о чём говорят примеры Ирака и Афганистана. Логичен вопрос: а что же последует за этим?

Интересы России и США в Центральной Азии

Россия и США остаются наиболее активными и заинтересованными участниками отношений безопасности в регионе. Для Соединённых Штатов, насколько можно судить по документам разных администраций в последние годы, этот регион, с одной стороны, опасен деятельностью террористических организаций (не только на территориях здешних государств, но и в странах Ближнего Востока, Европы, а также в самих США), а с другой – политикой крупных государств (в первую очередь – России и Китая), намеревающихся,

по мнению некоторых американских государственных деятелей, воспользоваться периодом смуты и хаоса ради укрепления своих позиций. Эта точка зрения, типичная для времён «холодной войны», очень часто продолжает доминировать при определении реальной политики; по-другому мыслить не получается.

Со своей стороны Россия считает поведение США в регионе, во всяком случае при администрации Дж. Буша-мл. (2001–2009 гг.), безответственным и плохо продуманным. Соглашаясь с Вашингтоном о необходимости борьбы против терроризма (и даже предлагая в этой области элементы союза), Россия не может до конца считать приемлемыми попытки односторонних действий США и их союзников в Ираке и Афганистане. Мало того, что политические цели этих войн не были достаточно ясно сформулированы (а поэтому были проблемы в Совете Безопасности ООН), в военном смысле США оказались неготовыми вести вооружённую борьбу с движениями типа «Талибан» и не могут претендовать на военную победу. Сейчас для США главное – вывести свои войска как из Ирака (частично это уже сделано), так и из Афганистана (это обещано к 2014 году).

Что же делать тем, кто не может в силу географического положения также «уйти из региона»? Приведёт ли вывод войск США из Ирака и Афганистана к хотя бы временной стабилизации, не говоря о более долгосрочном урегулировании? Понятно, что администрация Обамы испытывала обострённое чувство ответственности перед своими избирателями, в меньшей степени – перед союзниками по НАТО, ещё в меньшей – перед Пакистаном. И решала она по сути лишь задачу выигрыша в соперничестве с республиканцами на президентских выборах 2012 г. Уход из Ирака, вывод войск США и их союзников из Афганистана объясняются главным образом необходимостью учитывать настроения избирателей и надеждой на то, что ситуация в Афганистане и вокруг него каким-то образом «рассосётся» сама собой.

Между тем России, Китаю и Индии приходится считаться с тем, что военная операция США в Афганистане, не принеся успеха Вашингтону, создала в регионе достаточно сложную обстановку. Во-первых, активизировалось движение «Талибан» и в Афганистане (где оно, скорее всего, захватит власть, как только будут выведены иностранные войска), и в Пакистане. Имеющиеся тактические противоречия между этими двумя отрядами движения не должны мешать пониманию, что в отношении Запада они действуют сообща. Во-вторых, «Талибан» в Пакистане, несмотря на некоторую военную слабость, сумел сковать действия пакистанской армии и создать, пусть и эфемерную, угрозу захвата ядерных объектов Пакистана (или их части). В-третьих, куда, до каких пределов дальше пойдёт энергия «Талибана», если он добьётся победы в Афганистане: в Центральную Азию, Закавказье, Синьцзян? Вопрос – не праздный, учитывая рост нестабильности на Арабском Востоке.

И в целом – какова будет ситуация в Центрально-Азиатском регионе, в его самых опасных и горячих точках, когда и если станет ясно, что США и НАТО потерпели поражение? Вопрос этот для России, Китая и Индии обретает особый смысл: если США и НАТО могут просто выйти из конфликта и – пусть ценой частичного падения престижа – избавиться от необходимости

продолжать войну, то Россия, Китай и Индия имеют здесь непосредственные интересы, границы, проблемы. И если не предпринять усилий, чтобы каким-то образом сгладить возможные потери от поражения Запада, вся сила неизбежного ответного удара будет обращена против них.

Таким образом, и потенциально, и реально в регионе существует необходимость для России и США согласовать свои интересы так, чтобы в них более отчётливо и настоятельно звучали мотивы согласия и сотрудничества и менее громко – мотивы соперничества. Без определённой доли соперничества им здесь не обойтись – это понятно. Как во второй половине XIX века Британия и Россия соперничали в Иране и Афганистане, укрепляя свои имперские завоевания, так и сегодня Россия и страны НАТО, в том числе США, будут в этом регионе соперничать, определяя для себя границы противоречий и сферы возможного сотрудничества. Но, как и прежде, не в этих противоречиях суть. Главное для них – понять, какая перспектива открывается в регионе, попытаться найти сферы сотрудничества и договориться о взаимодействии. Отчасти это уже делается, когда Россия соглашается с необходимостью принимать участие в послевоенном развитии Афганистана.

Завершение пребывания войск НАТО в Афганистане, как и войск США в Ираке, не означает исчезновения их интереса к делам региона. Россия и США не хотят, чтобы террористы захватили бразды правления в Афганистане или в Пакистане. Они согласны содействовать мирному восстановлению Афганистана. Оба государства не заинтересованы в том, чтобы Иран стал державой, обладающей ядерным оружием. Они заинтересованы в том, чтобы ситуация в Кашмире была и далее заморожена и не стала бы предлогом к региональной ядерной войне между Пакистаном и Индией. Наконец, и Россия и США понимают, что стабилизация обстановки в Центральной Азии требует учёта интересов Китая в какой-то приемлемой форме, а также налаживания взаимных консультаций с Пекином и Дели.

Но эти соображения требуют оформления: если не в форме письменных договоренностей, то хотя бы в виде устных соглашений лидеров ведущих стран – России и США. Необходимо найти формулу, при которой острые проблемы региона могли бы быть поставлены в один смысловой ряд, содержанием которого стали бы следующие положения:

- согласие, что спорные проблемы региона не имеют военного решения. Это согласие должно включать несколько подпунктов: а) отказ от применения силы крупными державами, сокращение размещённых здесь военных контингентов (особенно в зоне Персидского залива); б) перемены в политике обеспечения безопасности с понижением роли военных средств и повышением роли невоенных средств; в) пересмотр политики поставки вооружений; г) замораживание существующих конфликтов и поиски возможных решений мирным путём;
- сотрудничество в предотвращении разработки и создания оружия массового поражения (Иран, КНДР) или его применения (Индия, Пакистан, Израиль);

- совместные меры по усилению контроля за движением ракетных технологий; введение разного рода ограничений на разработку и внедрение ракетного оружия;
- построение различных форм налаживания диалога между политическими силами региона и разработка предложений по созданию системы урегулирования конфликтов.

Формально ни Россия, ни США не являются странами региона. Их непосредственные территории удалены от театра войны на тысячи километров. Но система нынешних международных отношений такова, что чем крупнее и могущественнее государство, тем дальше от его границ распространяются его интересы, которые также требуют учёта и защиты. И у России, и у США в Центральной Азии есть союзники, имеются торговые и финансовые интересы, а главное – понимаемые в широком смысле интересы безопасности, требующие обеспечения. И поэтому задача политики обеих держав здесь выстраивается следующим образом:

- определить сферу своих интересов безопасности и довести это понимание в приемлемой форме до сведения другой стороны – можно путём официальных деклараций (что менее эффективно), а можно путём консультаций;
- сопоставить эти интересы с интересами другой стороны и выявить в них совпадающие и расходящиеся интересы, построить структуру взаимодействия и предложить её в качестве повестки дня переговоров;
- договориться о принципах сотрудничества там, где есть совпадение интересов, и о границах соперничества там, где интересы не совпадают («правила поведения»).

Эти подходы, диктуемые как опытом «холодной войны», так и развитием последнего десятилетия, во многом имеют всеобъемлющий программный характер и касаются не только Центральной Азии. В определённой степени они относятся непосредственно к поискам решений местных проблем, но в то же время и к тем пока ещё не очень ясным, хотя потенциально и весьма серьёзным вызовам, которые являются следствием перемен в сфере безопасности на глобальном уровне. На данном этапе это относится к проблемам противоракетной обороны (ПРО), ставшей причиной острых разногласий между Россией и НАТО. Западные оценки возможного ракетного нападения (с применением ядерного или химического ОМП) на европейских членов НАТО стали уже хрестоматийными. Многие российские эксперты в области стратегического анализа не доверяют им и предпочитают оценивать эти выводы как часть «коварного замысла» США выдвинуть свой противоракетный потенциал поближе к российским границам (редко учитывая при этом или не учитывая вовсе несопоставимость технических характеристик имеющихся американских систем ПРО и российских межконтинентальных баллистических ракет).

В результате Россия и США (и НАТО в целом) так и не сумели договориться о сотрудничестве в этой области, хотя оно буквально диктуется необходимостью контроля над потенциально опасными источниками угроз в регионе. Возможно, ситуация изменится, когда появятся твёрдые и бесспорные свидетельства наличия ядерных средств в Иране или в распоряжении безот-

ветственных террористических группировок, готовых их применить. Но это может случиться тогда, когда уже будет поздно что-либо менять в системе защиты России и её населения от возможных ударов террористов (для которых Россия ничуть не лучше стран Запада, и удары по её территории будут благожелательно восприняты некоторыми членами НАТО). Получается ситуация 1939–1941 гг., когда Адольф Гитлер получил благословение и даже помощь И.В. Сталина в развязывании европейской войны, а затем нанёс удар сокрушительной силы по Советскому Союзу, потерявшему в войне более 26 миллионов жизней. Подобная стратегическая близорукость со стороны российского руководства может случиться и сейчас, когда отсутствие прогресса в переговорах с США по ПРО (часто под надуманными предлогами) даёт возможность добиваться своих целей тем силам в регионе, которые мыслят категориями подготовки к нападению. Им безразличны мотивы сторон, но отсутствие сотрудничества развязывает руки.

К сожалению, с точки зрения устоявшегося стратегического анализа, в этих вопросах нет достаточно ясной связи между тем, что происходит в регионе и как это влияет на общую ситуацию. Стратегический диалог России с Западом весьма неустойчив и в тех зонах, где, казалось бы, уже имеются более или менее твёрдые ориентиры – например, в Европе или на Дальнем Востоке. Что же касается перехода России и США к поиску взаимных интересов в таких неустойчивых зонах, как Ближний и Средний Восток, а также Центральная Азия, то здесь очень часто продолжают действовать либо стереотипы времен «холодной войны» (за отсутствием более современных), либо неумение внедрить другую систему логики и аргументов. Поэтому и не получается ни совместная деятельность по предотвращению распространения ядерного оружия, ни сотрудничество в создании системы контроля над возможными источниками нападения. Видимо, для российской внешней политики настала необходимость внести существенные поправки в своё видение ситуации и своих же интересов, а не сосредотачивать их на поддержании одиозных режимов, типа режима Башара Асада в Сирии, в ущерб стратегическому сотрудничеству с США.

Структура интересов России

По своему геостратегическому положению Россия имеет четыре зоны безопасности: **Запад** (евроатлантическая зона, в которой Россия взаимодействует с США и НАТО), **Восток** (где основным партнёром России является Китай, хотя интересы США в Японии, Южной Корее и на Тайване также требуют учёта), **Север** (Арктика, где среди разных интересов находится проблема взаимодействия с США) и **Юг** (именно тот регион, о котором идёт речь в данной статье). Каждый из регионов, с точки зрения интересов безопасности, имеет свою специфику и свои особенности, хотя некоторые интересы безопасности охватывают все четыре региона: это контроль над оружием массового поражения, стратегический баланс, отношения с США, а также ряд вопросов безопасности невоенного характера – энергетика, продовольствие, питьевая вода, иммиграция и другие.

Если судить по уставным документам государственной и национальной безопасности России, далеко не все из перечисленных выше интересов получили полное развитие и освещение и имеют завершённые представления о способах их реализации. В частности, когда речь идёт об интересах безопасности в «южной зоне», то там существует несколько направлений: поддержка молодых государств из числа бывших советских республик, контролирование конфликтов, создание некоей надгосударственной структуры в экономической сфере, которая заменила бы распавшийся Советский Союз и его органы управления; противодействие терроризму, экстремизму и другим формам политического радикализма, способным сорвать процесс строительства новых наций. В большой степени для решения задач именно этого класса по инициативе России в 1992 г. был подписан Договор о коллективной безопасности (Ташкентский договор), который обеспечивает безопасность таких стран региона, как Армения, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан.

Интересы России в этих вопросах сочетаются с её интересами в соседних государствах: Турции, Иране, Афганистане, Пакистане. Но они уже не несут или почти не несут нагрузки советской политики (антиамериканизм, опора на идеологию, претензии на великодержавность) и более напоминают стремление построить равноправные отношения с этой группой стран (хотя, конечно же, элементы великодержавности всё ещё сохраняются) и каким-то образом сочетать их с интересами России в отношениях с США, Китаем и Индией. Отсюда – такие неизмеримо более гибкие, чем Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), структуры, как созданная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая охватывает и бывшие республики СССР в Средней Азии, и Китай, а потенциально – Индию, Пакистан, Афганистан и, возможно, в какой-то форме – США.

В целом Россия ревниво и подозрительно относится к стремлению молодых независимых государств – бывших советских республик играть самостоятельную роль в международных отношениях и вести независимую внешнюю политику (Украина, Грузия), а также к действиям других государств на этом пространстве. Прежде всего, эти чувства относятся к действиям США и других стран НАТО, но также к политике Китая, Индии, Ирана. В действиях России известный реализм, состоящий в понимании, что с распадом СССР вся глобальная система отношений изменилась, и особенно сильно – подсистема отношений бывшего социалистического содружества (от Берлина до Пхеньяна и Ханоя), причудливо сочетается с романтизмом эпохи советской империи, когда интересы коммунизма вдруг появлялись то в Латинской Америке, то в Африке, то в зоне Персидского залива и в других районах земного шара, хотя к прямым интересам России всё это не имело отношения.

Эта понятная, хотя и добавляющая сложности черта, проявлялась и в той сфере интересов, где Россия взаимодействует с Соединёнными Штатами, Китаем, Индией и другими странами в зоне Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. И сложность здесь состоит в том, что и во времена Советского Союза у Москвы не хватало сил, чтобы контролировать эту зону самостоятельно (об этом свидетельствовали катастрофа в отношениях с Китаем, провал попыток сыграть роль посредника между Индией и Пакистаном, отри-

цательные итоги войны в Афганистане 1979–1988 гг.). Ставить же такую задачу на нынешнем этапе вообще было бы безумием. Надо думать о какой-то форме действий, основанных на договоренностях с другими державами, в том числе имеющими схожие или параллельные интересы, прежде всего – с США. Может быть, эти державы сейчас и не очень заинтересованы в том, чтобы согласовывать с Россией свои действия в регионе, но итоги общего мирового развития, в том числе ситуации в регионе на сегодняшний день, подтверждают, что иного пути решения проблем безопасности нет.

Между тем появление группы быстро развивающихся стран, формирование группировки БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), среди прочего, показывают, что период безусловного доминирования Запада в мировой политике и экономике подходит к концу. Наступает период, когда Соединённым Штатам надо будет каким-то образом корректировать и, может быть, даже менять свои глобальные установки, чтобы фактор появления группы БРИКС не разрушил с таким трудом созданную систему, в которой Запад занимает важное место. Чтобы укрепить основы сложившегося мирового порядка, Соединённым Штатам нужна дружественная Россия, которая своим весом и своими знаниями способствовала бы предотвращению нового витка неурегулированного конфликта по линии Север – Юг. Для решения этой задачи требуется создание некоей системы управления безопасностью, в которой элементы грубой военной силы были бы уравновешены факторами «мягкой силы», прежде всего интеллекта, и содействовали бы общей эволюции системы в направлении сотрудничества.

В своё время Россия одной из первых осознала перемены в состоянии проблем управления международной безопасностью. Ещё в период, когда у руля внешней политики России стоял А.В. Козырев (1991–1996 гг.), большой поклонник ОБСЕ, Россия предложила Китаю и ряду государств, находящихся в зоне взаимодействия России и Китая (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан), согласиться на создание своеобразной формы взаимодействия по вопросам безопасности, которая позднее была оформлена как ШОС. В чём-то эта форма напоминала ОБСЕ – без излишних бюрократических структур, без объединённых сил, без тяжеловесных конструкций, а просто как эффективное средство консультаций и обсуждения назревающих проблем в условиях, когда угрозы безопасности имеют общий характер и могут содействовать сближению заинтересованных государств. За последние десять лет ШОС доказала своё соответствие типу и характеру как проблем безопасности в регионе, так и доминирующих отношений, хотя при этом на стопроцентную эффективность претендовать она пока не может.

Военная доктрина России определяет масштабы угрозы её интересам и интересам дружественных стран в регионе как средние и даже малозначительные. Ни угрозы новой войны, ни угрозы ядерного нападения из этого региона российские политики не находят. Правда, когда речь заходит о возможности создания совместной с НАТО системы ПРО, российские эксперты соглашались, что угроза каких-то точечных случайных ударов с применением оружия массового поражения из этого региона может появиться. Однако в целом ни со стороны Китая, ни со стороны Пакистана, а тем более Индии угрозы ядерного

нападения нет. Но, если не получится разработать совместную с Соединёнными Штатами и НАТО программу противодействия возможности ракетного (и даже ракетно-ядерного) нападения на Россию из этого региона, тогда опасность такого нападения многократно усилится.

Споры по поводу реальности угрозы ракетно-ядерного нападения на Россию или на американских союзников в Европе из этого региона лишь подчёркивают сложность самой задачи безопасности. С одной стороны, страны региона, заинтересованные в социально-экономическом развитии, казалось бы, не расположены к какой-либо конфронтации с более развитыми странами, и это должно успокаивать. С другой – в некоторых частях региона, особенно в «проблемных» странах, накапливаются раздражение и недовольство политикой более развитых государств, которая часто игнорирует острые проблемы бедных стран и больше озабочена собственными интересами.

Наиболее ярким случаем воздействия этих противоречивых оценок на политику развитых стран в сфере безопасности являются разные оценки действий Ирана в области развития его ядерной программы и возможного появления в его распоряжении ракетно-ядерного потенциала. Ни страны НАТО, ни Россия (ни Китай) в принципе не сомневаются, что нынешнее иранское руководство может вести дело к созданию своего ядерного оружия. Но они расходятся в оценках мотивации этой программы и её вектора. В России считают, что ракетно-ядерное оружие, если оно и появится в распоряжении Ирана, будет играть роль контругрозы в случае нападения со стороны Запада и реальной опасности представлять, скорее всего, не будет. В НАТО, и прежде всего в США, наоборот, уверены, что если ядерное оружие появится в распоряжении Ирана, его руководство не замедлит использовать это оружие в качестве средства политического давления.

Расхождения могут показаться незначительными, но на деле ведут к серьёзным последствиям в блокировке решения проблемы ПРО в Европе, где Россия и НАТО, не доверяя друг другу, готовятся к возможной новой конфронтации. Пример с ядерным оружием Ирана показывает не только рост масштаба угроз (что по идее должно спланировать Россию и НАТО), но и возможные новые повороты в состоянии дел в области безопасности.

Истинные масштабы проблем политики безопасности в связи с уходом США из Афганистана и появлением таких элементов, как политика Ирана в ядерной сфере, пока ещё до конца никому не ясны. На данном этапе и в России, и в странах НАТО это вызвало оживлённую дискуссию и разногласия, сказывающиеся на замедлении и почти полной остановке их сотрудничества в области безопасности. Даже при том, что обе стороны практически одинаково относятся к проблемам распространения ядерного оружия и у них имеются все основания считать, что перемены в арабских странах могут привести к усилению междоцивилизационной борьбы на международной арене, они психологически и даже интеллектуально не готовы к сотрудничеству в зоне между Ближним Востоком на западе и Корейским полуостровом на востоке. Вместе с тем интересы России, США, других стран НАТО, Китая и Индии в этом регионе уже сейчас демонстрируют единство в том, чтобы предпринять меры по ограничению потенциала военных конфликтов. Поскольку все развитые стра-

ны согласны, что регион имеет весьма внушительный потенциал военных столкновений, интересы развитых стран (а также – несмотря на высокопарность слога – интересы всей мировой системы) требуют упорядочения и разработки общих «правил поведения».

Примеры ядерных программ КНДР и Ирана только-только обозначают возможные параметры угроз, с которыми до сих пор развитые страны почти не сталкивались. Они считают, что, контролируя поставки вооружений в Азию, обладая большинством в Совете Безопасности ООН, обладая возможностью военного принуждения других стран (хотя в свете опыта Афганистана это вызывает большие сомнения), они располагают возможностью надёжного контроля над регионом. На самом деле это не так. Придерживаться предложенных «правил игры» в Центральной Азии и в других регионах будут те страны и режимы, которые получают от этого зримый выигрыш в виде развития технологий, рынков, доступа к знаниям. Те же, кто этого не получает, или, наоборот, те, кто в итоге пребывания в структурах развитых стран не получил ничего позитивного (например, так считают многие в бывших республиках Советского Союза), вряд ли будут склонны придерживаться предложенных «правил поведения» и, скорее всего, станут искать иные пути для самоутверждения.

Видимо, программу сотрудничества между Россией и США в области региональной азиатской безопасности надо строить по двум направлениям. Одно из них, более или менее знакомое по примеру Европы и Дальнего Востока, это контроль над напряжённостью, предотвращение военных конфликтов, поощрение, где возможно, урегулирования этих конфликтов. Другое же, менее ясное, хотя и более обещающее, это активное вовлечение стран региона, как развивающихся, так и отстающих в развитии, в потоки информации, миграции населения, инвестиций и торговли, с учётом положительных примеров «восточноазиатских тигров» (Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Сингапур, Малайзия), Китая, Индии, стран АСЕАН, того же Ирана (если отсечь милитаристскую сторону его политики). Все эти примеры дают основания считать, что в интересах этих стран, наряду с такими «цивилизационными» чертами, как борьба за «чистоту», антизападничество, восстановление религиозных начал и т.п., всё большее значение приобретают интересы социально-экономического, интеллектуального, технологического характера. Это расширяет сферы взаимодействия развитых стран со странами Центральной Азии и открывает многообещающую перспективу дальнейшего движения.

С этой точки зрения уход войск США и НАТО из Афганистана никоим образом нельзя рассматривать как завершение «миссии» Запада в регионе и переход его стран к самостоятельному развитию. Наоборот, уход войск, сопровождаемый серьёзным анализом уроков Афганистана, мог бы положить начало другим тенденциям на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и Закавказье, в которых сочетались бы успехи развивающихся стран с итогами развала консервативных режимов и формированием какой-то иной, возможно, даже неожиданной реальности в регионе. В этом Запад и Россия могли бы сыграть заметную роль.